

IV ДУМА - ПАРАДОКС ИСТОРИИ

Этот трагический парадокс заключается в том, что IV Дума, менее всего желавшая революции и из всех сил стремившаяся предотвратить ее, ходом событий вынуждена была признать и даже на время как бы возглавить ее с тем, чтобы очень скоро пасть под натиском революционного процесса. Опустив исторический занавес над российской монархией, она опустила его и над собой. Ничего фатального, запрограммированную в таком повороте судьбы IV Думы не было, несмотря на то, что она начала свою работу в повышенном оппозиционном тоне, отражавшем течение страны, симптомы которого проявились уже в пору III Думы в связи с похоронами С.А.Муромцева и Л.Н.Толстого, выходом в отставку многих профессоров Московского университета, протестовавших против произвола министра просвещения Кассо и особенно в связи с Ленским расстрелом в апреле 1912 г.

И самые выборы в IV Думу, несмотря на давление правительства, отразили политическое оживление: социал-демократы набирали очки во II городской курии за счет кадетов (в рабочей курии большевики взяли верх над меньшевиками), часто терпели поражение в своей вотчине, I городской курии. Но в целом IV Дума по партийному составу не слишком отличалась от III Думы.

Наименование фракций	Количество депутатов	
	III Дума 1912	IV Дума (I сессия)
Правые	46	64
Националисты и умеренно правые	91	88
Партии центра	-	32
Октябристы	131	99
Польское коло	11	9
Польско- литовско-		
Белорусская	7	6
Мусульманская	9	6
Прогрессисты	36	47
Кадеты	52	58
Трудовики	14	10
Соц. -демократы	14	14
Беспартийные	26	5
Итого	437	438

Набрали больший вес по сравнению с тем, чем они были в III Думе правые, прогрессисты и кадеты. В IV Думе по-прежнему возможно было складывание двух большинств: правооктябристского - 283 депутата и октябристско-кадетского -225 депутатов. И по-прежнему исход голосований зависел от фракции октябристов. Несмотря на свое последующее дробление, они оставались решающей "переменной", особенно их центр - группа земцев-октябристов.

Весьма "прыткими" показали себя в IV Думе прогрессисты, основавшие в ноябре 1912 г. свою партию. В ее состав вошли видные предприниматели (А.И.Коновалов, В.П. и П.П.Рябушинские, С.И.Четвериков, С.Н.Третьяков), земские деятели (И.Н.Ефремов, Д.Н.Шипов, М.М.Ковалевский и др). Прогрессисты требовали отмены положения об усиленной и чрезвычайной охране, "изменения закона 3 июня о выборах, расширения прав Думы и реформы Государственного совета, отмены сословных ограничений и независимости,

земского самоуправления от административной опеки и расширения его компетенции. Если кадеты и (тем более октябристы) не выходили "из рамок" конституционной думской деятельности, иногда лишь позволяя себе "расслабиться" в смелых оппозиционных речах, то прогрессисты, и прежде всего один из ее влиятельных лидеров депутат IV Государственной думы А.И.Коновалов (он нашел поддержку у некоторых левых кадетов и левых октябристов), попытались объединить революционные к оппозиционные силы для совместных выступлений. По мнению А.И.Коновалова, правительство "обнаглело до последней степени, потому что не видит отпора и уверено, что страна" заснула мертвым сном. Но стоит только появиться двум-трем эксцессам революционного характера - и правительство немедленно проявит обычную свою безумную трусость и крайнюю растерянность. Объединенная оппозиция именно и должна стремиться вызвать такие выступления, которые запугали бы правительство и заставили бы его пойти на уступки - осуществить манифест 17 октября (64,с. 54-55). Но дело дальше создания информационного комитета не пошло: велики были запросы революционеров, не хотели им "играть в руку" и либералы, от чего особенно предостерегал прогрессистов Милюков, на опыте 1905-1907 гг. убедившийся, что левых едва ли удастся "оседлать". Вероятно, попытка Коновалова объясняется отсутствием у него политического опыта и убеждения (что было свойственно и другим вождям прогрессистов) в том, что будущее страны принадлежит их классу (8).

И казалось, экономическое развитие России подводило под их веру основательный фундамент. Но тогда же, в марте 1914 г., когда шли довольно интенсивные коноваловские совещания, проходило и одно из заседаний кадетского ЦК. На нем выступил А.С.Изгоев, говоривший о "сценарии" развития событий в случае войны и возможных потрясений. Он подчеркнул, что не кадеты будут на "гребне волны, а крайние левые, которые первыми утопят кадетов, а затем и меньшевиков" (73, оп.1, д.31, л.108). Как в воду глядел кадетский пророк. Таких "пророков" было тогда в России немало. В мае 1914 г. Коковцев говорил немецкому сановнику Б.Бюлову о возможности и, к сожалению,

даже вероятности революции для России. А.П.Извольский и раньше находился под сильным впечатлением революционного брожения, которое все более усиливалось и распространялось вширь, несмотря на все меры к его преодолению, некоторые уступки и реформы. Премьер-министр А.В.Кривошеин также был убежден, что война между Россией, Австро-Венгрией и Германией означала бы конец трех великих династий. Говоря лаконично, общее состояние российского общества можно определить на три "Н": никто ничем недоволен. Поэтому есть рациональное зерно в словах советского историка А.Я.Авреха: "История IV Думы в довоенный период развивалась на фоне революционного подъема и углублявшегося революционного кризиса в стране. В этом - ключ в оценке всех событий, происходивших в правительстве и Думе (2,с.285). И все же этот "ключ" не настолько универсален, чтобы можно было считать: "Предвоенная история Думы подтвердила полную правоту ленинского анализа и вывода о невозможности для России реформистского пути, о том, что революции нет реальной альтернативы" (2,с.288). Однако едва ли есть логика в том, что если не было "покоя" в стране, то революция неизбежна. Брожение могло и улечься, "перебродить" и без эффекта шампанского, без бьющей через край "революционной пены". В России этого времени прослеживаются две тенденции ее исторического развития - реформистского и революционного. Обе они были реальны.

Но здесь можно констатировать, что оптимизма на возможность укрепления и модернизации режима с помощью Думы для преодоления революционного кризиса, решения задач, стоявших перед страной, сверху, "бисмарковским" путем, в IV Думе, по сравнению с III Думой, резко поубавилось. В выступлениях нередко звучали ноты пессимизма и неверия в возможность изменить ход вещей. Но вместе с тем уже с первой сессии кадеты и часть прогрессистов пытались создать путем запросов, внесения законодательных проектов, выборов президиума, переговоров с октябристами, газетных кампаний, левоцентрированное большинство в качестве средства давления на правительство. Это было очень осторожное давление, хотя и не без пылких речей. Не случайно, что право отвержения бюджета

не было задействовано. Для думского большинства и для верхов сохранение в целом достигнутого конституционного статус-кво было той почвой, на которой они боролись, стремясь каждый понемногу "тащить одеяло на себя". И в этом смысле здесь уместно применить формулу Е.Д.Черменского "о поддержании конституционной фикции" царем, камарильей, объединенным дворянством - с одной стороны, и либералами - с другой, но только с заменой "конституционной фикции" на слово "конституция". "Фикцией" она отнюдь не была, что косвенно признает и Е.Д Черменский, когда пишет, что "первые хотели делать фикцию более фиктивной, а вторые понемногу менее фиктивной". Вероятно, фикцию едва ли можно делать более или менее фиктивной: это все равно, что умножать какое-то число на ноль и пытаться получить не нулевой ответ. Трудно согласиться и с тем тезисом, что "поддержание конституционной фикции было обязательно для либеральной буржуазии, т.к. у нее не было альтернативы третьиуньскому курсу: она не видела в тогдашней России реформистских возможностей из-за необычайной остроты и глубины классовых противоречий" (64,с. 28). На деле либералы не противопоставляли свою политику третьиуньскому курсу. Это был курс на постепенное реформирование России, Форсировать его не желали ни либералы, ни верхи. "Форсаж" вел к "перегреву" общественного организма и так достаточно "разогретого" "кочегаркой" самодержавия, чему способствовали и проводимые реформы и социально-политические последствия экономического роста. Но либералы тем не менее находились в перманентной оппозиции правительству. Это вовсе не являлось ни симуляцией, ни спекуляцией оппозиционной борьбы. Это был элемент тактики, борьбы за избирателя, "улицу", для отвлечения населения от революционных выступлений, приобщения его к политической культуре, цивилизованным формам борьбы за свои права. В еще большей степени это было проявлением сущности либерализма - российские либералы никогда не забывали напоминать правительству о необходимости осуществления свобод, дарованных манифестом 17 октября. Они часто "срывались", реагируя на "мымрецовские" ухватки властей предрежащих и на чрезмерную медленность и скудость реформ, не только не поспевавших снимать напряжение в обществе, но и

усиливавших его, на попытки сверху урезать права народного представительства, "обкарнать" вносимые в Думу законопроекты или устраивать им "похороны по первому разряду" в Государственном совете. То, что страна "зашевелилась" и пугало Думу и подхлестывало ее, - громче звучали оппозиционные речи депутатов, недовольных неспособностью правительства обуздать революционное движение. Как говорил в Думе земец-октябрист граф Д.П.Капнист: "Мы оппозиция потому, что ... не видим ни либеральных мер, ни сильной власти" (2, с.145). Отношения Думы с правительством временами были настолько "рогатыми", что в высших сферах царем и министрами всерьез решался вопрос о роспуске; Думы и об изменении ее полномочий, превращении ее в законосовещательный орган. Верхи были особенно близки к реализации этой "задумки" осенью 1913 г., когда у министра внутренних дел Н.А.Маклакова были уже заготовлены соответствующие бумаги, подписанные царем. Однако новый переворот так никогда и не был осуществлен, - "наверху" в конце-концов побеждало понимание невозможности "идти назад", хотя Дума вызывала у Николая II род аллергии, раздражала своим вторжением в различные области государственной жизни, речами, будоражившими страну.

Либералы, остро критикуя правительство, власть, "знали меру", границы своей оппозиционности. Особенно характерна в этом отношении речь председателя ЦК октябристов А.И.Гучкова. На совещании "Союза 17 октября", всей думской фракции, делегатов от отделов партии 8 ноября 1913 г. А.И.Гучков говорил, что "правительство приведет страну к неизбежной тяжелой катастрофе" (15.С.22) и подчеркивал: "Историческая драма, которую мы переживаем, заключается в том, что мы вынуждены отстаивать монархию против монарха, церковь против церковной иерархии армию против ее вождей, авторитет правительственной власти против носителей этой власти" (17.С.29). Гучков обращался и к думцам: "Во имя долгожданной политической свободы, в защиту конституционного принципа, в борьбе за реформы должны быть использованы все легальные средства парламентской борьбы: свобода парламентского слона, авторитет думской трибуны, право запросов, право отклонять законопроекты и прежде всего бюджетные права, право отклонять

кредиты" (15,с. 29). Но выводы его были далеки от радикализма: необходимо сделать попытку "образумить власть", открыть ей глаза, "вселить и в нее ту тревогу, которой мы полны, ибо мы, представители тех имущих буржуазных классов, которые всеми своими жизненными интересами связаны с мирной эволюцией государства и на которые в случае потрясений, обрушится первый удар". И ему хотелось думать, что будет "услышан наш голос", - "во всяком случае это наш последний шанс для мирного исхода из кризиса" ~ (15, с.28). Предчувствие катастрофы, эсхатологичность речи Гучкова не закрывали в ней этого, - "последнего шанса для мирного исхода". Он обвинял власть в том, что она прокладывает дорогу к смуте, и с властью же связывал самую возможность избежать "анархии". Речь Гучкова знаменательна именно этим контрастом: пафосом обличения, критикой правительства за углубляющийся раскол между властью и обществом и почти верноподданнической лояльностью либералов к власти. Впрочем, Гучков и в 111 Думе обещал "море поджечь": по адресу Государственного совета, объединенного дворянства и дворцовой "камарильи", тормозивших реформы, он произнес грозные слова: "С ними нам приходится считаться, но, может быть, придется и сосчитаться". Но эта тирада, облетевшая страну, осталась лишь броской фразой. Коллеги Гучкова по партии в IV Думе, в то время, когда правительство резко усилило свое давление на Думу и в кулуарах ее пошли слухи о роспуске, говорили устами С.И.Шидловского: "Остается только одно: обратиться к этому правительству и воскликнуть в ужасе: "Да опомнитесь, что вы делаете!?" (14, сессия II, ч.2). При всех эмоциональных всплесках думское большинство демонстрировало умеренность и аккуратность. Это терпение объясняется не только и не столько исконной терпеливостью россиян и толерантностью либералов, сколько тем, что третьиюнская Дума в целом их устраивала, обеспечивая им привилегированное положение в народном представительстве, вследствие самого избирательного закона. Дума давала и возможность проведения реформ, и удобство оппозиции, которая в некотором отношении была двуликим Янусом, реагируя и на революционное движение, и на правительственные сатурналии. Взоры почти всей Думы были обращены на царя. Здесь сказывалась не только

традиционная верность трону, но и монархические убеждения думского большинства в их новой, современной облатке. Как писал депутат Государственной думы С.Н.Булгаков: "Гибель царства - есть и гибель России" (66).

Отсюда недовольство в Думе и обществе начавшейся усиливаться распутинщиной, которая компрометировала императорскую фамилию и вела к падению престижа царской власти в стране. Взывая к царю о необходимости проведения широких реформ, думское большинство "знало свой шесток", не выходило из границ "пристойности" и потому еще, что у него не было ни широкой социальной основы в стране, ни уверенности в том, что реформы не усугубят напряженности ситуации, не спровоцируют новые революционные эксцессы, не приведут к разгару "анархии". Сюда же густо примешивались и опасения потерпеть материальный ущерб, лишиться привычных привилегий. Даже такой столп российского либерализма, интеллектual с обостренным чувством "категорического императива", как князь Е.Н.Трубецкой, не был чужд сословного эгоизма. Он был против демократизации земств, опасаясь, что некультурные крестьяне "выставят" оттуда помещиков. По его мнению, надо было ждать пока подрастут здоровые силы, вызванные к жизни столыпинским аграрным законодательством. Но это надежда "на время" у князя была весьма призрачной.

Подобный аспект отношения к реформам, понимаемым на свой "салтык", был свойствен и царю. Чем больше съезживалась "шагреневая кожа" самодержавия и постепенно уплывали привилегии дворянства, шла мобилизация земли в руки крестьянства, тем чаще и яростнее были "контратаки" справа. Если Капнист говорил в Думе, что оппозиция порождается отсутствием реформ и слабостью правительства, то верно было и другое: слабость правительства заставляла его "опускать шлагбаум" перед реформами, опасаясь, что они приведут к еще большей немощи "исторической власти". В этом попятном движении большую роль играла и личность последнего царя. По «калибру» ("не по Сеньке шапка", сказал о нем Григорий Распутин (70, с. 16), явно не соответствующий ни должности "хозяина земли русской", ни своему времени. Вряд ли в России можно было найти большего приверженца самодержавия, чем сам

Николай II, который всегда уступал лишь под сильным давлением, как было и в случае с манифестом 17 октября, дарование которого он не мог себе простить всю жизнь, считая его своей слабостью и ошибкой. Непоследовательность и упрямство заменяли ему государственный ум и волю.

Были и привходящие обстоятельства, усугублявшие его самодержавную "мнительность" - неуравновешенная, с психопатическими синдромами жена ("Гессенская муха", как заглаза ее называли при дворе), заклиная Ники показать свою силу, "ударить кулаком по столу" и т.д., и несчастная болезнь сына, усугубившая мистицизм Николая II, приверженность царской четы к юродивым и "святым старцам", вроде Распутина. Немудрено, что этот монарх не мог терпеть Государственную думу. И все-таки допустимо, что они могли "сожительствовать" и эволюционировать, а не "взорваться", как это произошло в 1917 г., хотя тенденция мирного развития страны по яркости своего проявления явно уступала революционной перспективе. В истории России остался и след не реализовавшейся альтернативы этой перспективе. Вот только некоторые наиболее заметные штрихи. Выступление питерских рабочих в июле 1914 г., если и не оказалось гласом "вопиющего в пустыне", то и не было поддержано в других городах и регионах страны. На войну Россия откликнулась взрывом патриотизма и даже, в известной мере, реанимацией монархических чувств. Успешно прошла мобилизация и затем в течение 1914 и начале 1915 г. в России было сравнительно тихо, - не отмечалось серьезных революционных и оппозиционных выступлений. Государственная дума, собранная на один день 26 июля, по наблюдении современников, явила собой самый яркий пример патриотического сплочения разнородных политических сил. Для ее заседания лидеры фракций (социал-демократическая фракция приняла декларацию, осуждающую войну, не голосовала за военные кредиты, покинула зал заседаний Думы) выступили с призывом сплотиться вокруг "своего державного вождя, ведущего Россию в священный бой с врагом славян", отложив внутренние споры с правительством.

В нашей прежней историографии это аттестовывалось как "священное единение буржуазии с правительством". И оно во

многим в начале войны явилось таковым. Популярными были лозунги: "Все для войны!", "Все для победы!". В начале войны возникли Всероссийские союзы - земский и городской, которые привлекли широкие общественные слои к совместной с правительством работе по обороне государства. Царская бюрократия отнеслась с некоторым недоверием к общественной самодеятельности. Хотя в царском манифесте, появившемся в начале войны, говорилось о забвении внутренних распри и об укреплении тесного единения царя с его народом, 30 июля был издан приказ о закрытии на время войны всех рабочих организаций. 5 ноября 1915 г. подверглись аресту большевистские депутаты. Их приговорили к ссылке на вечное поселение в Сибирь.

Сессия Думы была созвана в январе 1915 г. Основной ее тон: во имя победоносного окончания войны Дума будет хранить единство страны. Но уже через несколько месяцев, с началом наступления австро-германцев в Галиции (апрель-май 1915 г.), когда выявилась неподготовленность России к войне (острейшая нехватка оружия, боеприпасов, амуниции), возникла "патриотическая тревога". В Особые совещания по усилению артиллерийского снабжения вошли и члены Госдумы. Делу помощи армии служили и возникшие в мае Центральный военно-промышленный комитет и образовавшийся в июле 1915 г. Главный комитет по снабжению армии ("Земгор"). Одновременно шла активная работа либеральной общественности по возобновлению сессии Думы, контроль которой над деятельностью правительства становился все очевиднее для многих. В ходе этой кампании прогрессистами было высказано и мнение о необходимости создания ответственного правительства, что не нашло пока большого отклика среди общественности. Кадеты, например, высказывались за образование кабинета, способного обеспечить правильную организацию тыла войны, соблюдение внутреннего мира в войне и тесное сотрудничество правительства и общества.

В связи с ухудшением обстановки на фронте и все более заметным недовольством населения поражениями и тяготами войны, потушившими бенгальский огонь воодушевления, в правительстве активно заявила о себе группа министров

(А.В.Кривошеин, С.Д.Сазонов, П.А.Харитонов, П.Л.Барк), ориентировавшихся на Думу и выступавших за ее созыв, чему препятствовали их коллеги и прежде всего Н.А.Маклаков и И.Г.Щегловитов. Продумски настроенные министры - их было большинство - настаивали перед царем о немедленном созыве Думы и замене одиозных министров, к которым с недоверием относилась Дума. После колебаний царь согласился на это. Были уволены Н.А.Маклаков, В.А.Сухомлинов И.Г.Щегловитов, В.К.Саблер. 19 июля открылась сессия Думы. Формула прогрессистов об ответственном министерстве не прошла кадеты, октябристы, думское большинство поддержали формулу националистов о министерстве общественного доверия. В Думе был принят законопроект об Особом совещании при военном министре для объединения мероприятий по обороне государства.

Между тем дела на фронте становились все хуже. Военный министр Поливанов 6 августа 1915 г. на заседании Совета министров говорил, что армия уже не отступает, а попросту бежит. Царь решил даже отстранить вел. кн. Николая Николаевича и самому вступить в Верховное командование армией. В исторической литературе есть основательное мнение о том, что смена командования была отчаянной попыткой укрепить трон, внушить народу, что в тяжкую годину военных испытаний "сам царь встал на защиту своей страны" (64, с. 111). Попыткой стабилизировать ситуацию в стране было и создание Прогрессивного блока, что явилось результатом "двустороннего" движения - со стороны правительства и со стороны Думы. По мнению председателя Совета министров А.В.Кривошеина, спасти положение правительства могло только соглашение с Думой на определенной программе. Но для этого надо создать в ней сплоченное большинство из монархических фракций от умеренно-правых до кадетов включительно. Война создала единство патриотического настроения ("Победа во что бы то ни стало!") от националистов до меньшевиков. На этой платформе стало возможным широкое объединение думских фракций. 11 и 12 августа на совещаниях Госдумы и Госсовета с участием думских фракции - прогрессистов, кадетов, "Союза 17 сентября", земцев-октябристов, националистов и двух групп Госсовета - академической и центра - было положено начало Прогрессивному

блоку. Он составлял абсолютное большинство Думы: 236 депутатов из 420.

Цель его программы обеспечить сохранение внутреннего мира и устранение розни между национальностями и классами (44,с.129). Одну из главных своих задач парламентский блок видел в смене министерства (создание объединенного правительства из лиц, пользовавшихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями относительно выполнения определенной программы). Вплоть до февральской революции вся тактика Прогрессивного блока сводилась к поискам компромисса с властью, при котором могло бы "состояться" министерство общественного доверия. Один из лидеров блока П.Н.Милюков рассматривал его в качестве спасательного пояса тонущей монархии, как последнее средство и выход из ситуации, которая со дня на день становилась все более угрожающей. Октябрист Н.В.Савич писал о блоке: "Надо было попробовать поставить эту карту, дать высшей власти опереться на всю Государственную думу, а не только на часть ее, хотя бы эта часть составляла большинство. Дума была самым фактом образования блока морально подготовлена к искренней и решительной совместной работе с исторической властью..." (55,с.165-166). Один из вождей националистов, вошедших в блок, позже признавался: "Мы хотели стать между улицей и властью. Наша цель была, чтобы массы оставались спокойными так как за них говорит Дума" (69,с.425) Итак, прогрессивный блок был создан. "Последняя ставка", по определению Савича, была сделана (55, с. 166). А дальше начался бег на месте: ни к чему реальному блок не привел. Надежды, связанные с ним, - будущее зависело в большой мере от власти (55, с. 166), - не реализовались. Участники блока, уповавшие на понимание, добрую волю и просветление власти, теперь обвиняли ее за то, что она игнорировала думскую инициативу. Председатель Совета министров И.Л.Горемыкин сказал о программе блокистов: "Они предъявляют глупые требования" (55,с. 167). Скорее это был лишь повод к роспуску Думы, Николай 11 еще 22 августа открыто заявил: "Мне была нужна Дума для обеспечения обороны. Теперь вся программа исполнена. Остальное - по 87 статье". 2 сентября сессия Думы была прервана. Выслушав приказ о роспуске,

депутаты громко прокричали традиционное "Ура!" и тихо разошлись, как и предполагали власти, считавшие, что думцы подчиняться приказу и не обратятся к народу. "Огромное большинство их, - говорил о депутатах министр М.Б.Щербатов, - трусы и за шкуру свою дрожат" (72,с. 103).

Персонально думцы едва ли были трусами. Дело в том, что конституционные формы давления на власть были исчерпаны (в том числе и попытки организовать депутацию либералов к царю) и им предстояло либо отступить, либо обращаться "к улице" (20, с.120). Оппозиция избрала первое. Иначе и не могло быть. Как говорил А.И.Гучков: "Не для революции мы призываем власть пойти на соглашение с требованиями общества, а именно для укрепления власти и в целях защиты родины от революции и анархии" (20,с.121). М.В.Челноков высвечивал и патовую для либералов сторону ситуации: "Раз объявили, что мы против революции, все будут знать, что дальше слов не пойдем" (20, с.141-142). Характерен критический заряд, 'пущенный в эту "вилку" слева одним из меньшевиков: "Мы вас (российских буржуа - В.Ш.) обвиняем в том, что вы, заинтересованные в том, чтобы власть перешла в ваши руки, ничего для этого не предпринимаете" (20,с.175). Однако нельзя преувеличивать властebоязни либеральной буржуазии и гипертрофировать ее страх перед революцией. Либералы, в частности кадеты, опасаясь революционного движения и делая все, чтобы ослабить его, вместе с тем полагали, что находящееся в безвыходном тупике правительство капитулирует при первых же признаках движения. Таким образом, революция будет предупреждена в самом начале (20, с. 168). А пока кадеты предлагали Прогрессивному блоку сохранять по отношению к правительству положение спутников, посаженных в одно и то же купе, но избегающих знакомства друг с другом. Выдержать эту позицию блоку было нелегко, в том числе и его лидеру Милюкову. 9 февраля открылась сессия Думы. Ее впервые посетил царь. "Оригинальный и удачный день" - запишет он в своем "Дневнике" (16, с.572). Ради утверждения бюджета Думы и ради антантовских союзников он пожертвовал И.Л.Горемыкиным (против него ополчилась вся либеральная пресса) в пользу Штюрмера, на время сумел преодолеть свою антипатию к Думе

и она готова была ответить сторицею. Н.В.Савич пишет в своих воспоминаниях: "Я видел, как сильно реагировал вождь оппозиции (Милюков - В.Ш.), когда Государь обратился к нему с ласковыми словами, с любезным приветствием. Человек этого не ожидал и был в этот миг весь лояльность. Сделай тогда государь призыв к сотрудничеству, решишь он тогда призвать нас к управлению, хотя бы на время войны, к участию в деле подбора и комплектования Совета министров - он вызвал бы среди нас бурю восторженной преданности трону и ему самому. Почти уверен, что война кончилась бы тогда иначе, судьбы династии, России и самого императора были бы иные" (55,с.162). Что было бы в действительности, сказать трудно, но не исключено, что Савич в тот день 9 февраля так и думал. Но последующие события, однако, еще более обострили отношения Думы с правительственной властью. Новый премьер Б.В.Штюрмер, ставленник камарильи, Распутина, "держал руку" правых, прислушивался к их думским фракциям, открывшим кампанию против Прогрессивного блока и ставивших вопрос перед правительством о перерыве заседаний Думы на все время войны, в случае крайних выступлений оппозиции против кабинета Штюрмера.

При этом кабинете в управлении страной, как свидетельствуют очевидцы, все шло как нельзя хуже. Разрыв общества с властью был полный. Сверху чередовались смены министров, получившие кличку "министерской чехарды", снизу начали организовываться заговоры, революционные объединения, причем не только в подполье социалистов и профессиональных революционеров, но и среди буржуазии, интеллигенции, промышленного мира, сильных своими амбициями и громадными денежными средствами, усиленными военными доходами (55,с.168). Государственная дума реагировала на это новым витком своей оппозиционности. Не случайно Распутин так распалился против нее (у него был и "зуб" лично против Родзянко, третировавшего "старца"): "Дума эта, балалайка ломаная, все дрынкает, да дрынкает... Думу трепатню - убрать. Помеха от нее большая. Убрать ее. Рот мочалкой заткнуть... И еще вот что помнить надо. Что государственная дума - она хоть и потаскуха бранливая, она к тому перекинется, кто начнет

первый верх брать. Поэтому ее в первую очередь убрать надо! Она сама бунтарить не умеет, но к бунтарям перейдет. От нее большой вред выйти может" (70,с. 16). Председатель IV Госдумы М.В.Родзянко, объясняя ее оппозиционность, отмечал в своих мемуарах, что "вся внутренняя политика, которой неуклонно держалось императорское правительство с начала войны, неизбежно и методично вела к революции, к смуте в умах граждан, к полной государственно-хозяйственной разрухе (48, с.155).

Расстройство всего народного хозяйства, обострение продовольственного кризиса усиливали недовольство властью на фронте и в тылу. Но и Дума не стяжала себе в стране прочного авторитета. За ее разговорами и внутрипарламентской борьбой не было видно дела. Престиж ее несколько возрос после 1 ноября 1916 г., когда лидеры Прогрессивного блока подпер)ли резким нападкам правительство Штюрмера и "закулисные влияния", "темные силы", деятельность которых Милюков квалифицировал повторявшимся в его речи вопросом: "Глупость или измена?". Его выступление и речи его коллег, хотя и нашли громкий отзвук в стране, вовсе не были "штурмовым сигналом" к началу русской революции, как однажды показалось Милюкову (59, с. 12). Да и сам он в приватной беседе с одним из эмигрантских друзей позже признавался, что речь, в которой он предоставлял слушателям решить - глупость это или измена, была произнесена в Думе с целью предупредить, а не вызвать революцию. Он сознавал, что революция во время войны приведет Россию к величайшей катастрофе.

Ближайшим следствием 1 ноября была все же отставка Штюрмера, о котором даже Николай I отзывался, что он является "красным флагом" не только для Думы, но и для всей страны"! Думцам порой казалось, что Думе без Штюрмера было рукой подать до ответственного перед Думой министерства: "К новому, 1917 г. будут торжественные похороны самодержавия" (64, с.218). Но это подразумевало и спасение царя от "темных сил". Прежде всего от Распутина. Освободить монарха от их влияния Стремился и лидер правых в Думе В.М.Пуришкевич -один из убийц Распутина, Монархисты ликовали, надеясь, что

смерть хлыста" выведет Россию из тупика, в котором она заблудилась.

Правящие круги не только не вняли предостережению, но и заметно качнулись вправо. Монарх был даже готов пойти на роспуск Думы. Но в целом у Николая II было двойственное отношение к народному представительству и к общей ситуации в России. Он знал, что внутреннее положение в стране крайне серьезное, что, может быть, она накануне революции. М.В.Родзянко на докладе царю говорил: "Я убежден, что не пройдет и трех недель, как вспыхнет такая революция, которая сметет Вас и Вы уже не будете царствовать" (25,с. 131). Но в то же время Николай II не очень верил этому, считал, что народ предан ему, а уступки губительны, - в этом он следовал обожаемому папе, Александру III: "Дай мизинец, так всю руку отхватят". Тем более, что царица и ее окружение требовали от царя "быть сильным, самодержавным". Порой, уступая оппозиции в не принципиальном (например, уделяя наиболее одиозных министров), он не соглашался с их основным требованием -призвать министерство общественного доверия.

То тяжелое, угнетенное настроение, которое переживал Петроград осенью 1910 г., усугубилось. Разочарование ходом военных действий, явное утомление масс от затянувшейся войны, к которой Россия была не подготовлена ни материально, ни духовно, разруха правительственной власти - все это доводило до отчаяния, до ожидания каких-то крупных перемен внутри решительно все слои русского общества. Попытки воздействия на царя и придворное окружение некоторых членов царствующей фамилии ни к чему не привели. Престол был окончательно изолирован от всей страны. Сознание, что спасение в применении силы и только силы, стало почти всеобщим. Оно проникло вплоть до верхов армии. В обществе, в думских кругах все чаще и откровеннее стали говорить, что спасение на путях дворцового переворота. Но М.В.Родзянко, когда ему говорили о перевороте, отвечал всем одно и то же: "Я ни на какую авантюру не пойду, как по убеждению, так и в силу невозможности впутывать Думу в неизбежную смуту. Дворцовые перевороты не дело законодательных палат, а поднимать народ против царя у меня нет ни охоты, ни возможности" (48, С.159). Но в

действительности, насколько можно судить по воспоминаниям деятелей той эпохи, разговоры о дворцовом перевороте оставались только разговорами. Ничего серьезного так и не было предпринято, Это откровенно признавал впоследствии и главный заговорщик" А.И. Гучков. Спустя многие годы эти современники испытывали большое сомнение в том, что дворцовый переворот мог бы спасти Россию, прервал бы ход событий. Вообще, Февраль 1917 г., "оброс" не только мемуарной, но и огромной исследовательской, научной литературой. И при разных оттенках мнений авторов работ центральное место отводится Государственной Думе.

Еще тогда же, в 1917 году, когда казалось, что Февраль всерьез и надолго, когда апологетам Временного правительства было необходимо обосновать правомерность и закономерность его власти, его заслуги перед страной, появились публикации об общенациональном характере революции, которую начала и возглавила Государственная дума, образовавшая из своей среды Временный комитет, взявший в свои руки дело создания Временного правительства. Именно об этом писали Е.Н.Трубецкой, П.Н.Милюков и другие столпы отечественного либерализма. Отчасти они были правы: думцы своей оппозиционной деятельностью, формированием Временного Комитета и Временного правительства способствовали крушению монархии, Но все это "не от хорошей жизни" и вопреки своим принципам". Особенно диссонировал с практикой бытия мажорный тон выступления Е.Н.Трубецкого. Правда, и князь скоро "скис" "его революция" стремительно перешла чаемые ей границы. А в эмиграции М.В.Родзянко и его коллеги многими резко осуждались как виновники февральской революции, в своем развитии приведшей к Октябрю и скитаниям россиян "на чужбине". Особенно неистощимы в таких нападках были бывшие правые, часто писавшие о Феврале как деле рук масонов, - тезис, позднее нашедший своих приверженцев не только в среде зарубежных историков, но и российских (Катков, Яковлев и др. См.: 64, 71). Но как свидетельствуют сами масоны (много сделал для того, чтобы их откровения дошли до нас, Б.И.Николаевский), они вовсе не играли в событиях тех дней столь большой роли (36). Следует, видимо, прислушаться и к эмигрантским

покаяниям бывших думцев, открестившихся от своего "детища", к их заявлениям, что революция произошла наперекор их желанию и усилиям предотвратить ее

Революция их ошеломила: они были растеряны, испытывали смуту и подавленность, а многие были просто испуганы происходящим в Петрограде, развитием революции в стране, что только и заставило их просить Николая II, а позднее и Михаила Александровича об отречении от трона. Может быть, их давление (совместно с генералами) на царя с целью его отречения было специфической формой "заговора", обусловленного революцией? Ведь не зря он записал в дневнике, что "кругом измена и трусость, и обман!" (16, с.625). Думцы потянулись к власти, чтобы перехватить ее у левых партий (на эту "эвентуальность" у них загодя был припасен список министров) и тем попытаться затормозить и остановить революцию (33, 48, 69 и др).

Правда, некоторые из них в тот свой "звездно-злосчастный час" разделяли иллюзии, что народное представительство имеет авторитет, корни в стране и обретет ее поддержку. Но "кайф" быстро улетучился и наступило горькое "похмелье": "Мы близоручко считали, что Дума есть тот политический центр страны, к которому все устремляется, что она является тем нервным узлом, который управляет умственным движением страны. Мы смешивали общественное мнение верхов социальной лестницы с глубинными движениями в толще народной... думцы переоценивали свои силы, свое влияние..." (55, 197-198). Поздновато приходило к ним "внутреннее зрение": Г.Распутину уже в 1916 г. было ясно, что от Думы "себе народ спасения не чаает..." (70, с.16). К чести думцев, надо признать, что некоторым из них уже в ходе февральского переворота становилось очевидным - революционный процесс не удержать на февральской "зарубке". Октябрист С.И.Шидловский писал: "Первые же дни революции воочию показали мне и убедили меня в том, что культурный ход революции в России невозможен и удержать ее развитие в известных рамках немыслимо, почему и Государственной думе ни захватить руководство, ни стать во главе ее не удастся" (59, с.123). Это подтверждает и такой активный участник февральской революции, как Н.Н.Суханов,

писавший, что совет рабочих и солдатских депутатов "окажется хозяином положения. А вместе с тем народные требования будут развернуты до своих крайних пределов" (60, С.88). Очень быстро и Временному комитету Госдумы стало ясно, что в Таврическом дворце "истинным там хозяином является не он, а совдеп" (55,с.234). Вот почему Дума "увяла", "угасла" почти сразу же после февральской революции. 27 апреля 1917 года состоялось торжественное заседание членов Думы всех четырех созывов в ознаменование 11-летия ее существования: "Хоронили торжественно знатного покойника". М.И.Скобелев выразил квинтэссенцию "похоронного юбилея": "Дума уже умерла, мы имеем дело с призраком, и так как мы - люди с трезвыми взглядами, то ни пугаться этого призрака, ни даже считаться с ним не стоит" (59,с.117). Это был, по словам Н.В.Савича, тот "осиновый кол", который забили в спину "политического трупа" (55,с.231). И это было, действительно, так. Дума фактически прекратила свое существование задолго до своей официальной "кончины" 6 октября 1917 г. С элегической грустью ее депутат С.П.Мансырев прознес: "Прощай, Дума! Мы отцвели, не успевши расцвести". Эти печальные слова можно было бы поставить эпитафией ко всей истории российского парламентаризма начала XX столетия.